

стороны большинства населения европейского Боспора. Сам Диофант высоко оценивал силы и возможности сопротивления войск Савмака, о чем свидетельствует часть херсонесского декрета, посвященная мероприятиям Диофанта по подготовке похода против скифов Боспора. Как и в наиболее трудные для него моменты борьбы с Палаком, Диофант привлекает к участию в походе херсонесское ополчение и флот. В результате этих мер сопротивление восставших скифов было сломлено.

Первый удар Диофант обрушил на Феодосию (IOSPE., I 2, № 352, стк. 39). Основным же центром восстания был Пантикапей. Здесь восстание началось, здесь располагалось правительство Савмака, здесь же, вероятно, находились и основные военные силы восставших. Все это позволило Диофанту относительно легко овладеть Феодосией и превратить ее в базу для дальнейшего наступления. С захватом Феодосии фактически был предрешен исход всей войны. Отныне скифы Савмака были отрезаны от степного Крыма и не только не могли рассчитывать на поддержку, но не имели возможности отступить в случае поражения. Это явилось одной из причин их отчаянного сопротивления Диофанту.

Таким образом, власть Митридата, официально установленная на Боспоре после войны с Палаком, была окончательно утверждена лишь после упорной войны со скифским населением Боспора. Только в 107 году до н. э. (по Т. Рейнауку) Боспор стал составной частью Понтийского государства.

В результате экспедиции Диофанта против Савмака города азиатской части государства были подчинены Митридату. Однако они сохранили и внутригородскую автономию, и независимость от правителей европейского Боспора.

В. Н. ПАРФЕНОВ

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ РИМСКОЙ АРМИИ И ГАЛЛЬСКИЕ ВОЙНЫ ЦЕЗАРЯ

На поле битвы при Фарсале Цезарь, глядя на страшную картину братоубийственной резни, на мертвых и бегущих помпейцев, сказал: «Они этого хотели: я, Гай Цезарь, свершивший такие подвиги, был бы ими осужден, если бы не попросил

помощи у войска»¹ Из этих слов видно, что Цезарь понимал, кому он обязан своим возвышением.

В первом веке до нашей эры, после долгой и мучительной агонии, пала Римская республика. «Армия имела решающее значение в течение этого периода, и чем больше мы сможем узнать о ней, тем лучше будет понята история этого века»². Отношение римской армии к старой *libera res publica* является одним из ярких проявлений диалектического характера исторического процесса. Армия, существовавшая для защиты аристократической республики, противопоставила себя этой республике и уничтожила ее, чтобы самой стать основой и гарантом новой формы рабовладельческого государства.

Армия империи, разумеется, в корне отличалась от крестьянской армии времен расцвета республики. Это изменение характера армии находится в неразрывной связи с завоеваниями Рима, его превращением из небольшого полиса на Тибре в крупнейшую державу Средиземноморья. Необходимость реорганизации армии на профессиональной основе была одним из важных симптомов кризиса полисной системы Рима. Первым этапом этой реорганизации стала военная реформа Гая Мария в конце II в. до н. э. Завершением же процесса профессионализации римской армии явились военные мероприятия Октавиана уже во время установления *rex Romani*.

Сама реформа Мария заключала в себя любопытный парадокс. Легионеры стали приносить присягу не на имя консула, как раньше, а на «имя государства, т. е. *Senatus Populusque Romanus*»³.

Изменением объекта присяги, вероятно, стремились достичь непосредственной связи армии и сенатской *liber res publica*. В действительности получилось иначе. Теперь окончание срока полномочий консула не обязательно влекло за собой роспуск его войска, а непрерывные войны Рима создавали возможность сосредоточения в руках полководца крупных воинских формирований на более или менее продолжительный срок⁴. Эти наемные воинские формирования были прямо

¹ Suet Jul., 30 (античные авторы цитируются всюду в нашем переводе. — В. П.).

² Smith R. E. Service in the post-Marian Roman army. Manchester, 1958, p. v.

³ Кулаковский Ю. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии. СПб., 1909, с. 9.

⁴ Cp. Vittinghoff F. Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1952 S. 49, u D o m a s z e w s k i A. Geschichte der römischen Kaiser. Bd. I, Leipzig, 1922, S. 12.

заинтересованы в возвышении своего полководца, разумеется, если он был достаточно щедр и завоевал привязанность солдат⁵. Наконец, армия, будучи самой организованной силой в римском обществе, оказывала решающее влияние на ход социально политической борьбы в Риме (несколько курьезно, но вместе с тем самым непосредственным образом это выразилось в том, что Цезарь посылал своих солдат из Галлии в Рим для участия в выборах магистратов, чтобы исход их был благоприятен для триумвиров⁶).

В наемной армии была устранена коллегиальность, столь характерная для римских республиканских магистратур. Единично начало распространилось на все командные должности. Эта мера была необходима и в чисто военном отношении. Если до реформы Мария легионом командовали шесть военных трибунов по очереди, а манипулом — два центуриона, то «ко времени Цезаря... руководить легионом стал легат, и, примерно в это же время, самой мелкой тактической единицей стала центурия (под постоянным командованием одного центуриона. — В. П.) или полуманипул вместо манипула»⁷. Центурионов, как и остальных своих офицеров, стал назначать сам полководец⁸. Это обстоятельство усилило централизацию управления войском и повиновение его полководцу.

Много десятилетий спустя после разрушения Карфагена и Коринфа дряхлый корпус корабля республики содрогался от непрерывных бурь. «Неуклюжесть сенатского аппарата, хозяйничанье клик знатных фамилий, недоверие к любому успеху, угнетение подданных,— все это подтверждало, что доселе пригодная *res publica Romana* должна была найти новую форму»⁹. Вместе с тем «печальный опыт Гракхов и затем Сатурнина показал, что как бы ни был влиятелен государственный деятель — реформатор, он осужден на гибель без поддержки военной силы»¹⁰.

А. Домашевский, может быть, несколько упрощенно, но, на наш взгляд, в основном верно отмечает, что умелые методы руководства наемной армией в сочетании с продолже-

⁵ См. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. Перевод с французского. СПб., 1899, с. 472 слл.

⁶ *Plut. Crass.*, XIV; *Pomp.*, LI.

⁷ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. Leipzig, 1871, S. 77.

⁸ *Ibid.*, S. 102.

⁹ Vittinghoff F. *Römische Kolonisation...* S. 50.

¹⁰ Покровский М. М. Юлий Цезарь. — В кн.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей... М.—Л. Изд-во АН СССР, 1948, с. 463.

нием наместничества сверх законного срока (добавим: в условиях кризиса республики) — «это был путь, который вел к короне»¹¹.

К 60-м годам I в. до н. э. насчитывалось уже немало попыток вмешательства в политическую жизнь Рима. Самой удачной из них была диктатура Корнелия Суллы. Удалась акция Суллы, несомненно, потому, что она была предпринята при поддержке военной силы и в интересах нобилитета. Сулла стал властелином Рима резко неконституционным путем. Это был приговор легальным формам борьбы за власть. Тем не менее, еще люди поколения Цезаря—Катилина, Помпей, Красс, да и сам Цезарь—в значительной степени были в плену полисных норм и традиций, лишь постепенно отходя от них под давлением неумолимой логики событий.

Колоритная фигура Гая Юлия Цезаря уже два тысячелетия привлекает внимание историков. Поражают прежде всего масштабы его действий. Выражая мнение своих современников, античный автор отмечал, что Цезарь только в одном эпизоде Галльских войн, не говоря уже об остальном, «совершил такие подвиги, о каких едва ли слышали люди, которые воистину не были под силу никому, кроме бога»¹². Цезарь, опираясь на преданные ему легионы, достиг фактически неограниченной власти в Римской державе. Иды марта 44 г. до н. э., когда, по выражению Тацита, «так несчастливо была возвращена свобода»¹³, не могли восстановить власть сената. Стало ясно, насколько верным было высокомерное высказывание диктатора: «Республика — ничто, одно лишь название без тела и облика»¹⁴. Дело было даже не в личности Цезаря. В этой связи весьма примечательны следующие слова Плутарха: «И от Помпея Великого, сокруши он Цезаря, не ожидали, что он надежно подчинит войско законам, а, напротив, считали, что он навсегда овладеет государством, дав этому имя консульства, диктатуры или какой-либо другой, более мягкой власти, чтобы утешить народ»¹⁵. Тогда, как остроумно заметил Р. Сайм, «прошло бы несколько лет, и диктатор Помпей был

¹¹ Domaszewski A. Geschichte der römischen Kaiser. Bd. I, S. 12.

¹² Vell. Pat. Hist. Rom., II, XLVII.

¹³ Tac. Ann., I, 8.

¹⁴ Suet. Jul., 77.

¹⁵ Plut. Brut., XXIX.

бы убит в сенате почтенными людьми у ног своей собственной статуи»¹⁶.

«Завоевание Галлии, война против Помпея и установление диктатуры Цезаря являются событиями, которые развиваются так гармонично и последовательно, что они выглядят заранее обусловленными и предусмотренными, и история этой эпохи пишется иногда так, как будто Цезарь поставил себе все цели с самого начала, полагая, что монархия была панацеей от всех мировых бед, и собираясь достичь этого вооруженной силой»¹⁷. Нам остается только присоединиться к словам Р. Сайма о подобной точке зрения: «Such a view is too simple to be historical»¹⁸. Но еще более неверно будет представлять путь Цезаря к власти как сплошную цепь случайных удач. Мы считаем необходимым отметить, что С. Л. Утченко, вероятно, в пылу полемики со сторонниками телеологического взгляда на эту проблему, несколько преувеличивает элемент случайности в деятельности Цезаря¹⁹. Видимо, истина, как принято выражаться в подобных случаях, находится где-то посередине.

Те «заговоры» Цезаря, о которых сообщает Светоний, ссылаясь на Танусия Гемина, Марка Бибула, Гая Куриона — отца²⁰, не заслуживают серьезного рассмотрения. Иначе обстоит дело с заговором Катилины. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вопрос о причастности к заговору Красса и Цезаря был попросту замят в сенате. Красс был слишком влиятелен в силу своего огромного богатства²¹. Поэтому, когда Тарквиний назвал его имя, сенаторы «вскричали, что доносчик лжет... и, при консуле Цицероне, сенат в полном составе решил: признать донос Тарквиния ложным»²².

Труднее было оправдаться Цезарю. Если Красса спасло его огромное богатство, то едва ли Цезаря могли спасти его огромные долги (кстати, это обстоятельство может послужить косвенным доводом в пользу участия Цезаря в заговоре). А для некоторых представлялся весьма удобный случай свести и личные счета с Цезарем²³. Его положение осложнялось тем,

¹⁶ Syme R. Roman revolution. Oxford, 1939, p. 51.

¹⁷ Ibid., p. 50.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ См. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди, Идеи. М., 1969, с. 107, 151 слл.

²⁰ Suet. Iul., 9.

²¹ Sall. Con. Cat., XLVIII.

²² Ibidem.

²³ Ibid., XLIX.

что «Веттий обещал еще и его собственноручную расписку, данную Катилине. Цезарь буквально вымолил свидетельство Цицерона, что он добровольно сообщил тому о заговоре»²⁴. А ведь это не отрицает, а, напротив, предполагает участие Цезаря в заговоре. Даже Саллюстий, в сущности, признает, что Цезарь был спасен, благодаря Цицерону²⁵.

В любом случае, Цезарь извлек из исхода заговора Катилины серьезные уроки. Заговор, да еще в центре государства, где правящая группировка была достаточно сильна, не имел шансов на успех. В конце концов Катилина с оружием в руках решил бросить вызов сенату, но было уже поздно. В ожесточенной битве при Пистории войско катилинариев вместе с вождем было полностью уничтожено. Флор завершает повествование о заговоре патетическим восклицанием (впрочем, наполовину списанным с Саллюстия): «Катилина был найден далеко от своих, среди вражеских трупов — прекрасная смерть, если бы так он пал за отечество!»²⁶.

После неудачи заговора Катилины Цезарь показал себя незаурядным мастером политического компромисса. Первый триумвират оказался возможным потому, что ни один из его участников не был достаточно сильным для самостоятельного давления на правительство. «Цезарь хотел приобрести положение, Красс — усилиться, а Помпей — удержать стремящихся и уравновесить их силы, чтобы затем самому легко захватить власть»²⁷. Трудно сказать, какие перспективы видел Цезарь для себя в то время. Однако, по словам Плутарха, уже тогда «он с надеждой вступил на тот путь, который привел римлян к монархии (*Eis monarchian*)»²⁸. А триумвират мог непосредственно предоставить ему «высшую власть, войско, качественно новую войну, где могла бы просиять его доблесть»²⁹.

В 59 г. до н. э. Цезарь стал консулом, правда, в «содружестве» с Марком Кальпурнием Бибулом³⁰. Консулат Цезаря был настолько деспотичным, что Цицерон, как сообщает Светоний, писал: «Цезарь в консулате утверждает царскую власть, о которой думал эдилом»³¹. Остряки в Риме датировали де-

²⁴ Suet. Iul., 17.

²⁵ Sall. Con. Cat., XLIX.

²⁶ Flor., IV, I, 12; ср. с. Sall. Con. Cat., LXI.

²⁷ Flor. IV, II, 11.

²⁸ Plut. Cic., XX.

²⁹ Sall. Con. Cat., LIV.

³⁰ См. CIL, I, 602, 729.

³¹ Suet. Iul., 9.

ловые документы «консулами Юлием и Цезарем»³². Но эта власть Цезаря была иллюзорной и полностью зависела от прочности триумvirата. Для достижения же реальной власти была необходима поддержка, причем постоянная, крупной общественно-политической силы. Римский плебс, вполне заслуживший предсмертное проклятие Гая Гракха, достаточно доказал свою непригодность для этой роли. Впрочем, Цезарь не был намерен терять и этого, пусть ненадежного, союзника и умело поддерживал свою популярность³³. Вербовал Цезарь своих сторонников в Риме и среди имущих слоев, широко используя подкуп в различных формах³⁴. Однако главная тяжесть подготовки борьбы за власть должна была пасть не на Рим и не на Италию. Затянувшаяся на долгие годы война с Серторием, показала, какими возможностями располагает мятежный полководец, имеющий в своем распоряжении богатую провинцию. Трудно допустить, чтобы Цезарь в 59 г. до н. э. не учитывал этого.

Триумвиры провели в народном собрании закон Ватиния, по которому за Цезарем, по окончании его консулата, утверждались на пятилетие Цизальпинская Галлия с Иллириком и три легиона³⁵. Сенат, вначале саботировавший *lex Vatinia de provinciis Caesaris*, затем утвердил его и добавил Цезарю Трансальпинскую Галлию с одним легионом³⁶. По словам Светония, это *Senatus consultum* было продиктовано страхом перед тем, что, в случае отказа сената, и Косматую Галлию даст народ³⁷. Красс и Помпей, столь предупредительно выполняя желания Цезаря, стремились устранить его из политической жизни Рима. «Ему... определили командование войском и Галлию, надеясь запереть его там, словно в крепости, и спокойно разделить между собой все остальное, оставив Цезарю поменьше власти»³⁸. Но Цезаря отнюдь не устраивала подобная роль. Галлия представляла возможность для действий крупного масштаба, не зря именно в *Gallia Transalpina* пытался прорваться с войсками Катилина³⁹.

³² Suet. Iul., 20; Dio Cass. Hist. Rom., XXXVIII, 8.

³³ См. Sall. Con. Cat., LIV.

³⁴ См. напр., Plut. Pomp., LI.

³⁵ Suet. Iul., 22; App. Bell. civ., II, 13; Vell. Pat. Hist. Rom., II, XLIV; Plut. Pomp., XLVIII.

³⁶ Dio Cass. Hist. Rom., XXXVIII, 9.

³⁷ Suet. Iul., 22.

³⁸ Plut. Crass., XIV.

³⁹ Sall. Con. Cat., LVII; App. Bell. civ., II, 7.

Цизальпинская Галлия, будучи римской провинцией, господствовала над Италией в экономическом отношении⁴⁰. За Альпы римские войска вторгались не раз, впрочем до Цезаря без особых успехов⁴¹. Однако Нарбонская Галлия могла стать удобным плацдармом для агрессии против Галлии свободной, где насчитывалось множество враждующих между собой племен и племенных союзов. Завоевание Галлии диктовалось в первую очередь потребностями рабовладельческого Рима. Было бы непростительным упрощением видеть в Галлии только огромный полигон для военных упражнений Цезаря.

Lex Vatinia de provinciis Caesaris «дал Цезарю право назначать легатов, и притом преторского ранга, по собственному выбору, без согласования с сенатом»⁴². Любопытно, что стать легатом Цезаря намеревался М. Туллий Цицерон, которому тогда угрожал суд за незаконную казнь катилинариев⁴³.

Четырех легионов, поступивших под начало Цезаря, было явно недостаточно для большой войны, хотя бы эти легионы были и «отборными»⁴⁴, «полными»⁴⁵. Надо сказать, что даже четыре легиона — это значительная концентрация военных сил в руках одного лица. Всего в это время в римских провинциях, по подсчетам Р. Смита, стояло четырнадцать легионов⁴⁶.

Но главным было то, что «в своем собственном войске Цезарь пока что был только одним из новых, так часто сменявшихся вождей. Настоящей связи у войска и его вождя еще не было и быть не могло»⁴⁷. Эта связь в тех условиях могла возникнуть лишь в ходе победоносной войны против варваров, диктовавшейся, как мы отмечали выше, потребностями рабовладельческого государства. Цезарь, как обладатель военного имперiums, мог вести такую войну⁴⁸. Правда, закон предусматривал, что полководец «не мог объявить войну ни одному государству без расторжения существующего с этим государством договора»⁴⁹. Но Цезарь всегда руководствовался сооб-

⁴⁰ См. Meyer E d. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus*. Stuttgart und Berlin, 1922, S. 345 ff.

⁴¹ Vell. Pat. Hist. Rom., II, XXXIX.

⁴² Lange L. *Römische Altertümer*. Bd. III, Berlin, 1876, S. 291.

⁴³ Cic. Ad Att., II, 18; Ad Att., II, 19; Ad Div., XIV, 3; Plut. Cic., XXX.

⁴⁴ App. Bell. civ., II, 13.

⁴⁵ Plut. Pomp., XLVIII.

⁴⁶ Smith R. Op. cit., p. 26.

⁴⁷ Ростовцев М. И. *Рождение Римской империи*. Пг, 1919, с. 61.

⁴⁸ Mommsen Th. Op. cit., S. 102.

⁴⁹ Ibidem.

ражениями своей выгоды, а не нормами права. Найти же повод для войны не было труда.

Большинство методов, применявшихся Цезарем для завоевания верности войска, было старо, как римская армия. По словам Н. А. Машкина, «преданность и дисциплина в армии достигались убеждениями, устрашениями, обещаниями, подарками и строгими наказаниями»⁵⁰. Однако — и в этом заключался талант Цезаря — применение этих методов было принципиально новым. На первом месте, несомненно, стояло то, что спустя два с половиной века великолепно выразил Септимий Север: обогащение солдат. В «Записках о Галльской войне» Цезарь старается не упоминать о «материальной стороне дела», будто солдаты могли быть удовлетворены лишь похвалами полководца. Так, он говорит о поощрении отличившегося легиона Квинта Цицерона: «Он (Цезарь. — В. П.) очень хвалил Цицерона и легион за его заслуги, отдельно обратился к каждому центуриону и военному трибуну, отменная доблесть которых была засвидетельствована Цицероном»⁵¹. Более определенно выражается автор VIII книги «Записок» (считается, что эта книга написана Авлом Гирцием⁵²): «Цезарь обещал воинам за такие труды и терпение, с которым они в зимнее время ревностно выносили труднейшие походы и нестерпимые холода, по двести сестерциев, а центурионам — по целой тысяче, которые будут подарены им из добычи...»⁵³. Осторожность Цезаря в «Записках» объясняется, видимо, тем, что они предназначались для публикации в Риме. Обращаясь к своим солдатам, он называл вещи своими именами. Так, уже во время гражданской войны он упрекал взбунтовавшиеся в Плаценции легионы за то, что те забыли, сколько выгод они получили в Галлии под его командованием⁵⁴.

Светоний сообщает, что Цезарь «удвоил легионам плату навечно. Хлеб, когда его было вдоволь, давал без меры и счета; иногда давал каждому по одному рабу из добычи»⁵⁵. Случай раздела пленных имел место, в частности, после по-

⁵⁰ Машкин Н. А. Принципат Августа. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 103.

⁵¹ Caes. Comm. de b. G., V, 22.

⁵² Suet. Iul., 56 Caes. Comm. de b. G., VIII, praef.

⁵³ Caes. Comm. de b. G., VIII, 4.

⁵⁴ App. Bell. civ., II, 47.

⁵⁵ Suet. Iul., 26. Sp. Plut. Caes., XVII.

давления восстания Верцигеторикса⁵⁶. Огромными средствами, которые доставляло ограбление Галлии, Цезарь распорядился совершенно бесконтрольно. Обогащались все: от самого Цезаря до последнего легионера. Естественно, не забывали себя и офицеры. Марк Туллий Цицерон пишет брату Квинту в Трансальпинскую Галлию: «Я высоко оцениваю твоё обогащение и освобождение от долгов»⁵⁷.

Цезарь на награбленные деньги нанял не один легион⁵⁸. Кроме того, «золото Галлии непрерывным потоком лилось в Рим, покупая консулов и трибунов, уплачивая долги нуждающихся сенаторов и приобретая поддержку смелых людей»⁵⁹.

В исторической литературе существуют разногласия по поводу того, какую сумму составило удвоенное жалование рядовых легионеров и центурионов. Институт центурионов был опорой полководца в солдатской массе. Цезарь высоко ценил их героизм и самоотверженность⁶⁰. Военский пыл центурионов объясняется довольно просто: «Цезарь награждал их деньгами, так что по этой особой причине они были заинтересованы в победе. Они получали плату в пять раз выше платы простого солдата и, соответственно, их доля в добыче и особых вознаграждениях была пропорциональна их рангу»⁶¹. Н. А. Машкин считал, что «жалованье солдатам было увеличено со 120 до 225 денариев; центурион получал 450 денариев»⁶². По другим данным, Цезарь увеличил *stipendium* рядового легионера с 75 до 150 денариев в год⁶³, и эти цифры представляются нам более достоверными. Далее, маловероятно, чтобы жалованье центуриона было всего вдвое выше жалованья простого солдата, как это утверждается в работе Н. А. Машкина. Видимо, следует согласиться скорее с В. Шмиттенером. Косвенным свидетельством в пользу взгляда В. Шмиттенера может служить цитированный выше эпизод из «Записок о Галльской войне», когда Цезарь обещал наградить каждого центуриона суммой, впятеро большей на-

⁵⁶ RE, Bd. XI, Sp. 211.

⁵⁷ Cic. Ad. Q. fr., II, 15 extr.

⁵⁸ Suet. Iul., 24.

⁵⁹ Syme R. Op. cit., p. 62.

⁶⁰ См. Caes. Comm. de b. G., IV.

⁶¹ Schmitthenner W. Politik und Armee in der späten Römischen Republik. — Historische Zeitschrift, Bd. 190, 1960, Hf. 1, S. 12 ff.

⁶² Машкин Н. А. Указ. соч., с. 102. Ср. Моммзен Т. История Рима, т. III, рус. перев. под общ. ред. Н. А. Машкина. перевод т. III — И. М. Масюкова. М., 1941, с. 421.

⁶³ RE, zweite Reihe, Bd. III, Sp. 2537.

грады простого солдата, если предположить, что разница в сумме награды соответствовала разнице в сумме жалованья. В отношении Цезаря к армии видна новая, весьма существенная черта, а именно: «военное командование теперь выступает в доселе неизвестном амплуа — как искусство руководства людьми»⁶⁴. В этом Цезарь не имел себе равных. Для «воспитания» своих солдат ему пригодился богатый опыт демагога, накопленный в период деятельности в Риме. Поэтому столь важную роль у Цезаря играло собрание войска⁶⁵.

Галльская война, будучи, по выражению Саллюстия, *bellum novum*⁶⁶, создавала и качественно новую армию. Цезарь «закалял войско, как тело, не только направляя его против варваров, словно против зверей на охоте, но, сверх того, тренируя и делая его непобедимым и страшным (*'амахов каи фозерав*)»⁶⁷. Он применял целый арсенал психологических приемов. Даже обращался к армии не с обычным «Солдаты!», а «Соратники! (*commilitones*)»⁶⁸. Цезарь успешно разжигал дух соперничества как между отдельными воинами, так и между целыми легионами. Образцом такого рода тактики может служить его поведение, когда войско отказалось идти против Ариовиста. Тогда Цезарь заявил на собрании войска, что, «если никто не последует за ним, тогда он выступит с одним десятым легионом, в котором он не сомневается»⁶⁹. «Поэтому за ним пошли все: воины десятого легиона потому, что старались доказать свою особенную доблесть, остальные — из стыда, что слава храбрых достанется другим»⁷⁰.

Нежелание армии воевать против Ариовиста Цезарь объяснял страхом, вызванным рассказами эдучев⁷¹. Этого объяснения, весьма удобного для Цезаря, придерживался русский военный историк Н. С. Голицын, квалифицируя поведение легионов так: «Общая, необыкновенная *трусость целой армии*»⁷². Но в трусости ли было дело? Дион Кассий объяснял отказ армии выступить против Ариовиста тем, что Цезарь начал эту

⁶⁴ Vogt I. Caesar und seine Soldaten. — Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung. 1940, Hf. 4, S. 122.

⁶⁵ Ibid., S. 127.

⁶⁶ Sall. Con. Cat., LIV.

⁶⁷ Plut. Pomp., LI.

⁶⁸ Suet. Iul., 67.

⁶⁹ Caes. Comm. de b. G., I, 40.

⁷⁰ Frontin. Strat., I, XI, 3.

⁷¹ Caes. Comm. de b. G., I, 39.

⁷² Голицын Н. С. Всеобщая военная история древних времен, ч. IV. СПб., 1875, с. 28.

войну без разрешения правительства⁷³. Не следует забывать, что Ариовист считался «другом римского народа»⁷⁴. Очевидно, объяснение Диона Кассия соответствует действительности. Тогда римские солдаты еще не перестали ощущать себя гражданами республики. Цезарь воочию убедился, что ему предстоит задача «перевоспитания» армии. Надо отдать ему должное — справился с этой задачей он блестяще. Тем не менее, начиная гражданскую войну, он еще должен был убеждать солдат в правильности ее цели, призывая их вступить за попранное достоинство народных трибунов⁷⁵. Именно тогда, по мнению А. И. Тюменева, он предусмотрительно удвоил жалование легионерам⁷⁶.

Ведя очень осторожную политику по отношению к своей армии, Цезарь стремился не давать повода для недовольства полководцем. Античные историки единодушно отмечают снисходительность, с которой он относился к проступкам воинов, за исключением особо опасных случаев⁷⁷. Сам Цезарь пишет, как ему приходилось уступать разъяренной толпе солдат, например, в Кенабе: «Так как солдаты были ожесточены побоем и трудностью осады, то не щадили в Кенабе ни дряхлых стариков, ни женщин, ни детей»⁷⁸. Еще один пример приводится в VIII книге, в рассказе о гибели Гутруата, вождя карлутов: «Цезарь, против своей природы, отдал его на казнь, уступая натиску солдат, которые приписывали ему все опасности и потери войны; так что он был засечен плетьюми и обезглавлен»⁷⁹. В переводе записок, изданных АН СССР⁸⁰, этот отрывок читается так: «Вопреки своему характеру, Цезарь вынужден был отдать его на казнь сбежавшейся большой толпе солдат, которые именно ему приписывали все военные опасности и потери, так что в конце концов они забили его до смерти и затем обезглавили». Это толкование представляется нам неточным. Действительно, смысл фразы намеренно затемнен, однако пассивный оборот, употребленный автором, свидетельствует о его нежелании ясно сказать, кто же был винов-

⁷³ Dio Cass. Hist. Rom., XXXVIII, 34.

⁷⁴ App. Ex Celt., 17; Caes. Comm. de b. G., 40, 44.

⁷⁵ App. Bell. civ., II, 33.

⁷⁶ См. Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.—Л., 1935, с. 215 слл.

⁷⁷ См., напр. Plut. Caes., LI; Suet. Iul., 65; App. Bell. civ., II, 47.

⁷⁸ Caes. Comm. de b. G., VII, 28.

⁷⁹ Caes. Comm. de b. G., VIII, 38.

⁸⁰ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. Перев. М. М. Покровского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

ником убийства Гутруата, а это заставляет подозревать самого Цезаря. Что же касается выражения «*contra suam patriam*», то природу Цезаря достаточно характеризует то, как он поступил со сдавшимся в плен Верцингеториксом. Видимо, говорить о том, что в данных случаях солдаты вышли из повиновения полководцу, не приходится (хотя именно такое впечатление стремятся создать авторы «Записок...»). Если элементы стихийности и имели место, то, несомненно, Цезарь, великолепный знаток солдат, сделал все (в первом случае — даже своим бездействием!), чтобы направить их «слепую», «безудержную» ярость в нужное ему русло, недаром И. Фогт в своей дельной, полной, правда, излишнего восхищения Цезарем статье пишет о его способности превращать свои поражения в блестящие победы⁸¹. Цель подобных акций вполне очевидна. Террором Цезарь стремился обескровить Галлию, привести ее в ужас. Веллей Патеркул с истинно римским высокомерием и презрением отмечает: «...Те, кто населял почти целый *orbis terrarum*, стали трусливо платить дань»⁸². Но, по его же словам, только в битвах за десять лет Галльской войны было уничтожено свыше четырехсот тысяч галльских воинов⁸³. Плутарх, по своему обыкновению, преувеличивает, доводя эту цифру до миллиона⁸⁴. И совсем уже непонятно, почему Т. Н. Грановский приводит цифру в три миллиона⁸⁵.

Для укрепления своего авторитета у солдат Цезарь придавал большое значение личному примеру. «Искуснейшим образом он владел конем и оружием, в работе был невероятно вынослив, в походе всегда шел впереди, иногда на коне, но чаще пешком, с непокрытой головой и при солнце и при дожде»⁸⁶. Эти же качества Цезаря отмечает Плутарх: «...Он всюду добровольно подвергался опасности и не отказывался перенести любые труды»⁸⁷.

За время войны в Галлии армия Цезаря приобрела богатый боевой опыт. Ее отличительной чертой была находчивость, инициативность всех воинов, от низших до самых высоких рангов. Почти хрестоматийным стал пример действий легионеров

⁸¹ Vogt J. Op. cit., S. 120.

⁸² Vell. Pat. Hist. Rom., II, XXXIX.

⁸³ Vell. Pat. Hist. Rom., II, XLVII; см. также App. Ex Celt., I, 2.

⁸⁴ Plut. Caes., XV.

⁸⁵ Грановский Т. Н. Юлий Цезарь. — Полн. собр. соч., Т. II. СПб., 1905. с. 298.

⁸⁶ Suet. Iul., 57.

⁸⁷ Ulut. Caes., XVII.

Цезаря при внезапном нападении на них нервиев. Катастрофа была близка. Цезарь не мог управлять боем и едва не был убит, сражаясь в рядах десятого легиона как простой воин⁸⁸. Лишь благодаря стойкости и сообразительности солдат, положение было спасено.

В армии Цезаря усиленно культивировался корпоративный дух. Обращаясь в трудные минуты к солдатам, Цезарь не взывал к верности присяге, сенату и т. д. Вместо этих старых республиканских понятий фигурировали «величие римского народа и их собственное славное прошлое» или «государство и император»⁸⁹. Видимо, Цезарь рассчитывал в будущем бросить армию не на варваров, если «он не был доволен многочисленными и счастливыми победами, множеством убитых и плененных врагов, даже тем, что переправил войско в Британию»⁹⁰.

Преданность солдат Цезарю была настолько сильна, что позже, в гражданской войне, пленные солдаты его армии, «которым оставляли жизнь при согласии воевать против него, отказывались»⁹¹. «В начале гражданской войны центурионы его легионов предложили из своих сбережений снарядить каждый по всаднику»⁹². Отсюда, в частности, видно, насколько прибыльным делом была для армии Цезаря Галльская война.

Легионы сохранили привязанность к Цезарю и после его смерти⁹³.

Насколько умело Цезарь руководил армией, говорит тот факт, что «за десять лет Галльских войн ни разу не было мятежей»⁹⁴.

С. Л. Утченко отмечает, что взаимоотношения армии и полководца почти всегда сводят к тому, «что армия являлась грозным, но вместе с тем послушным (и слепым) орудием в руках... полководца. Но так ли это на самом деле? Не правильнее ли определить характер взаимоотношений между полководцем и армией как некий двусторонний процесс... Новая армия выдвигала со своей стороны, т. е. по отношению

⁸⁸ См. Caes. Comm. de b. G., II, 20; App. Ex Celt., I, 4; Plut. Caes., XX.

⁸⁹ Vogt J. Op. cit., S. 131.

⁹⁰ Vell. Pat. Hist. Rom., II, XLVI, 2.

⁹¹ Suet. Iul., 68.

⁹² Ibidem.

⁹³ См. надписи легионов в честь «божественного Юлия»: CIL, I, 696, 697, 698, 704.

⁹⁴ Suet. Iul., 69.

к своим полководцам, «встречные» требования, причем не только — как это тоже обычно отмечают — материального, но и политического характера»⁹⁵. Эта точка зрения, на наш взгляд, верна, но она нуждается в конкретизации. Действительно, армия выдвигала, хотя и очень редко, определенные политические требования. Но, вместе с тем, армия ни разу не смогла выдвинуть самостоятельной и цельной политической программы. Она так же нуждалась в полководце, как и полководец — в ней. Это подтверждается рассмотренным выше поведением легионов перед войной с Ариовистом, мятежами в последующее время, ролью армии при втором триумvirате и позже, до окончания гражданских войн. А мятежи легионов в эпоху империи полностью соответствуют характеристике, данной Тацитом мятежу в Поннонии 14 г. до н. э.: «Не было новых причин, лишь надежда на то, что смена принцепса даст повод к смутам и гражданской войне, в которой можно будет поживиться»⁹⁶.

Для более полного рассмотрения проблемы создания армии Цезаря в Галлии необходимо проследить количественный рост и этнический состав его легионов.

Когда проконсул Цезарь выехал к армии, в Цизальпинской Галлии стояли три легиона⁹⁷, и один в Нарбонской Галлии⁹⁸ (соответственно VII, VIII, IX и X)⁹⁹, причем один из трех легионов, зимовавших под Аквилеей, был, по предположению Р. Смита, переведен туда из Македонии¹⁰⁰.

Все четыре легиона состояли, естественно, из римских граждан.

В 58 г. до н. э., перед войной с гелльветами, набор в легионы был произведен в Цизальпинской Галлии¹⁰¹. Из новобранцев было создано два новых легиона, XI и XII¹⁰².

Цезарь в своих «Записках» уже не разграничивает четко Цизальпинскую Галлию и Италию. В исторической литературе Цизальпинскую область иногда называют Верхней Ита-

⁹⁵ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., Изд-во АН СССР, 1965, с. 193.

⁹⁶ Tac. Ann., I, 16.

⁹⁷ Caes. Comm. de b. G., I, 10.

⁹⁸ Ibid., I, 7.

⁹⁹ RE, Pd. XII. Sp. 1206 Георгиевский А. И. Галлы в эпоху Кайя Юлия Цезаря. М., 1865, с. 393.

¹⁰⁰ См. Smith R. Op. cit., p. 19.

¹⁰¹ Caes. Comm. de b. G., I, 7.

¹⁰² RE, Hbd. XXIII 1, Sp. 1207.

лией (Oberitalien)¹⁰³. В Цизальпинской Галлии «дарованием гражданских прав 49 г. латинские колонии 89 г. были превращены в римские муниципии»¹⁰⁴. Но вся Цизальпинская Галлия перестала считаться провинцией только после битвы при Филиппах¹⁰⁵. Разумеется, эта «провинция» занимала особое положение среди остальных провинций Рима и раньше. Тем не менее, при выяснении вопроса, где Цезарь набрал новые легионы, не следует отождествлять Цизальпинскую Галлию с Италией. Ведь военные ресурсы собственно Италии были ко времени Цезаря в значительной степени истощены. В еще большей мере это относится к самому Риму, ибо представители римского плебса «со времен Мария составляли основной контингент легионариев»¹⁰⁶. Правда, в Риме насчитывалась масса люмпен-пролетариата, но она, по крайней мере в большинстве своем, «была непригодна для использования в армии»¹⁰⁷.

Можно утверждать, что основной областью формирования новых легионов Цезаря в Галльскую войну была Цизальпинская Галлия¹⁰⁸.

В 57 г. до н. э. там Цезарь набрал еще два легиона¹⁰⁹, получившие номера XIII и XIII¹¹⁰. К зиме 54/53 гг. до н. э. на зимние квартиры отводились: семь легионов, которыми командовали Г. Фабий, Кв. Цицерон, Л. Росций, Т. Лабиен, М. Красс, Л. Мунаций Планк, Г. Требоний и пятнадцать когорт Кв. Титурия Сабина и Л. Аврункулея Котты¹¹¹. В связи с этим возникает следующий вопрос. Известно, что в 56 г. до н. э. целиком из трансальпинских галлов, незнакомых даже с латинским языком, был набран знаменитый легион Жаворонков¹¹². Следовательно, число легионов должно быть равно девяти, но Цезарь говорит о восьми легионах и пяти когортах. Видимо, какой-либо легион, сильно пострадавший в боях, был временно, до получения пополнений, сведен в группу когорт.

¹⁰³ См. RE, Bd. X I, Sp. 202; Hbd. XXIII 1, Sp. 1207.

¹⁰⁴ Vittinghoff F. Op. cit., S. 61.

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 19.

¹⁰⁷ Meyer E d. (Op' cit., S. 479.

¹⁰⁸ По этому вопросу см. Моммзен Т. Указ. соч., с. 307-слл; Smith R. Op. cit., p. 54; Vittinghoff F. Op. cit., S. 69.

¹⁰⁹ Caes. Comm. de b. G., I, 7.

¹¹⁰ RE, Hbd. XXIII 1, Sp. 1207.

¹¹¹ Caes. Comm. de b. G., V, 24.

¹¹² Suet. Iul., 24.

Набор из трансальпийских галлов упомянутого выше V легиона Жаворонков был весьма примечательным явлением. Если в Цизальпийской Галлии солдаты вербовались в колониях латинского права, то набор V легиона означал, что Цезарь открыто порвал с одним из основных законов республики, гласившим, что легионерами могут быть только римские граждане. *Legio V Alaudae* первоначально назывался *Gallisa*¹¹³. Это подтверждается и надписью *L. GAL*¹¹⁴, видимо, принадлежавшей ему. Едва ли можно согласиться с Т. Моммзенем, который считал, что в этой надписи речь идет о легионе из римских граждан или италиков, набранном в Цизальпийской Галлии¹¹⁵. Название «*Alaudae*», бытовавшее в просторечии со времени образования легиона¹¹⁶, утвердилось как официальное тогда, когда оно потеряло свое насмешливое значение¹¹⁷. Этому легиону Цезарь «впоследствии даровал гражданство»¹¹⁸. Это произошло уже во время неограниченного господства Цезаря¹¹⁹, вероятно, в пределах 45—начала 44 г. до н. э.

В 53 г. до н. э., в связи с гибелью пятнадцати когорт Титурия и Котты, Цезарь занял у Помпея один легион¹²⁰. (Плутарх утверждает, что Помпей передал Цезарю два легиона¹²¹, или, менее определенно, «отряд в шесть тысяч легионеров»¹²²). Вместе с тем, трем легатам Цезаря было поручено провести новый набор¹²³, вероятно, тоже в Цизальпийской области, ибо, даже легион Помпея, временно уступленный Цезарю, состоял из тех же жителей *Gallia Cisalpina*¹²⁴. Впоследствии, в 50 г. до н. э., Помпей под предлогом войны с парфянами потребовал от Цезаря два легиона. «Тот же, хотя и знал, против кого отзывают воинов, отослал их, богато одарив»¹²⁵. Но эту потерю Цезарь компенсировал весьма оперативно. К началу гражданской войны у него была армия уже в одиннадцать легионов¹²⁶.

¹¹³ Ibidem.

¹¹⁴ CIL, I, 655.

¹¹⁵ См. CIL, I, p. 190.

¹¹⁶ Suet. Iul., 24.

¹¹⁷ RE, Bd. I 1, Sp. 1296.

¹¹⁸ Suet. Iul., 24.

¹¹⁹ RE, Hbd XXIII 1, Sp. 1208.

¹²⁰ Caes. Comm. de b. G., VI, 1.

¹²¹ Plut. Pomp., LII.

¹²² Plut. Cat., XLV.

¹²³ Caes. Comm. de b. G., VII, 34.

¹²⁴ Ibidem.

¹²⁵ Plut. Pomp., LVI.

¹²⁶ Flor., IV, II, 5.

причем, в основном это были закаленные легионы ветеранов¹²⁷. Кроме того, имелись еще и вспомогательные войска, *auxilia*, общая численность которых была примерно равна численности легионов. Конницу и легкую пехоту в *auxilia* составляли *эдуи*¹²⁸ и другие галльские племена, германцы, в том числе и зарейнские¹²⁹. Даже личную охрану Цезаря составляли четыреста германских всадников¹³⁰. Кавалерия Цезаря была сравнительно немногочисленной, около пяти тысяч¹³¹. С такой армией Цезарь начал войну против Помпея.

Галльская война знаменовала собой новый этап эволюции римской армии, значение которого трудно переоценить. Конечно, это был вполне закономерный шаг по пути ее профессионализации. Но в этом шаге уже ясно слышалась тяжелая поступь легионов империи.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ,

Р. А. СТРУЧАЛИНА, К. В. ГОЛЕНКО

ТРЕТИЙ ПАТРЕЙСКИЙ КЛАД

Монетные находки являются одним из важнейших источников при изучении государств, городов и поселений Северного Причерноморья античной эпохи, о которых нет или очень мало свидетельств античных авторов. К числу таких городов или поселений относится и Патрэй.

Руины этого поселения находятся в северо-западной части Таманского полуострова¹ и, со значительной долей вероятности, связываются с городищем, расположенным на западном краю северного берега Таманского залива, у современного поселка Гаркуши (рис. 1).

Городище это обширно. В восточной его части располагается холм, наполовину разрушенный водами залива, представляющий остатки укрепления, обнесенного сырцово-кирпичными стенами. Неукрепленная, много большая по территории часть городища исследовалась очень мало. Напротив, воз-

¹²⁷ Frontin. Strat., I, III, 2.

¹²⁸ Caes. Comm. de b. G., VII, 34.

¹²⁹ Ibid., VII, 65.

¹³⁰ Ibid., VII, 13.

¹³¹ App. Ex Celt., I, 4.

¹ Strabo, XI, 2, 8.